

Форма и функции третьего перфекта остаются на сегодняшний день одной из актуальных проблем македонистики. Также открытым остается вопрос о происхождении данной конструкции. В настоящей статье выдвигается гипотеза о возможном пути ее эволюции.

Значение формы

Анализ трёх глагольных конструкций, называемых в македонистике «перфектами» (Graves 2000; Mišeska-Tomić 2006; Макарова 2016) показывает, что каждая из трёх форм («старый» общеславянский *л*-перфект и две инновационные формы: *habere*-перфект и *esse*-перфект) занимает определённую семантическую нишу в глагольной системе, которая отражает стадию их развития на пути эволюции результативных конструкций (Lindstedt 2000). При этом существует несколько случаев, где может наблюдаться функциональная конкуренция этих форм: например, значения результативного и экспериенциального перфекта, которые могут выражать все три македонских перфекта. *Л*-перфект, помимо этого, выполняет множество других функций, являясь самой полисемичной глагольной формой македонского языка; функции *habere*-перфекта и *esse*-перфекта фактически ограничиваются двумя вышеназванными, при этом *habere*-перфект имеет широкую лексическую дистрибуцию, *esse*-перфект – узкую (и множество сочетаемостных ограничений).

Esse-перфект и переходность

Область переходности / непереходности глагола – одна из специфических особенностей македонского языка, отличающих его как на фоне славянской семьи, так и в ряду языков балканской ареальной группы. Одна из таких особенностей – это наличие специального морфологического показателя переходности: кратких личных местоимений, которые указывают на род, число и лицо прямого дополнения (Усикова 2003: 110). Вторая – более широкое, чем в других языках балканского языкового союза распространение коррелятивных омонимичных

лабильных глаголов, различающихся только по переходности / непереходности (Усикова 2003: 110)² ср. (1) и (2):

(1) *Легн-ав.*

лечь-1SG.AOR

‘Я лег’.

(2) *Ги*

легн-ав

деца-та

PRON.PERS.3PL.ACC лечь-1SG.AOR дети-DEF

‘Я уложил детей’

Как отмечают македонские грамматиканы, «практически каждый непереходный глагол можно превратить в переходный, добавив фактивную семантику» (Velkovska 1998: 101).

Третья особенность заключается в «затемнении границ между переходными и непереходными глаголами при образовании страдательного причастия» (Velkovska 1998: 85; о согласовании страдательного причастия в предикативной функции при глаголе *быть* в балканских языках см. МДАБЯ 2003: 56–57). Таким образом, суффикс *-н/-т*, обычно являющийся формальным показателем пассива в славянских языках, утрачивает этот статус в македонском. Представляется, что причиной этого явления могло служить упомянутое выше широкое распространение лабильных глаголов. Предложение из примера (2) (*Ги легнав деца-та* ‘Я уложил детей’) при переводе в пассивный залог будет звучать как

(3) *Деца-та*

се

легна-т-и

дети-DEF быть.3SG.PRS лечь-PART.PASS.PST-PL

‘Дети уложены’

(букв. «лѣгнуты»), от исторически (в общеславянском состоянии) непереходного, но ставшего каузативным в македонской системе глагола *легне* ‘лечь’). При наличии в языковой системе активного причастия на *-л*, язык «предпочёл» в подобных контекстах выбирать причастие на *-н/-т*, изначально маркированное как пассивное.

Модель «непереходный глагол в форме страдательного причастия» распространилась на непереходные глагольные лексемы, не образующие каузативных коррелятов, например *дојден*

² О типологии лабильных глаголов см.: Летучий 2013. Об употреблении семантически непереходных глаголов в качестве переходных в балканских языках см.: МДАБЯ 2003: 54–55.

букв. ‘пришедший’ от *dojde* ‘приходить’. При этом пассивные причастия от переходных глаголов продолжают сохранять пассивное значение. И те, и другие участвуют в образовании результативных конструкций: 1) *habere*-перфект: *имам дојдено / имам читано* (переходные и непереходные глаголы); пассивный результатив: 2) *вратата е отворена* ‘дверь открыта’ (только переходные глаголы) и 3) *esse*-перфект: *тој е дојден* ‘он пришел’ (обычно только непереходные глаголы плюс ограниченная группа переходных). Различия между глагольными образованиями, выражающими пассивный результатив, и *esse*-перфектом, связаны, в первую очередь, с категорией залога.

Отметим, что в связи с нейтрализацией признака переходности / непереходности, сам термин «пассивное причастие» в применении к данным формам македонского глагола не вполне точно отражает их актуальное грамматическое значение, см. (Плунгян 2016: 16 (прим. 3)). Несмотря на это, мы всё же продолжаем использовать именно этот традиционный термин, ориентируясь на морфологию данных форм.

Эволюция формы

Возможность образования форм *esse*-перфекта в глагольной системе македонского языка, как представляется, была обусловлена несколькими причинами.

Внутреннее стремление системы сохранить равновесие после утраты *l*-перфектом результативного значения и его дрейфа в сторону эвиденциальности привело к появлению *habere*-перфекта (возможно, распространенного под влиянием посессивного перфекта в тесно контактирующим с македонским арумьнском и албанском языках). Ориентировочное время появления – XVIII век (Koneski 1968). Чуть позже в системе появляется *esse*-перфект, развитию которого также способствовали как внутренние, так и внешние причины. К внешним следует отнести влияние арумьнского языка, в котором примерно в то же время появляется аналогичная конструкция (этот процесс описан в известной схеме взаимных многоступенчатых заимствований Голомба – Gołab 1984: 14).

Среди внутренних причин назовём широкое распространение лабильных глаголов, которое могло привести к потере залогового значения у исторически пассивных причастий на *-н/-т* (в арумьнском, в свою очередь, под влиянием македон-

ского, происходит потеря залогового значения у исторически пассивных причастий с суффиксом *-t*). Внешним катализатором утраты залогового значения у причастий также могло послужить отсутствие этого значения у единственного причастия глагольной системы контактирующего с македонским албанского языка.

Второй важной внутренней причиной мы предлагаем считать развитие, аналогичное некоторым центральноевропейским языкам, а именно появление двух параллельных парадигм перфекта с лексически обусловленным выбором вспомогательного глагола (*esse* с глаголами движения, положения в пространстве, перемены состояния, состояния; *habere* – с переходными глаголами).

Известно, что в языках Европы существуют как языки с посессивным вспомогательным глаголом (испанский, английский), так и с бытийным (болгарский, финский) (Drinka 2017). В языках, в которых представлены оба вспомогательных глагола, «правила выбора имеют сложный и диахронически нестабильный характер (это так называемые «split auxiliary systems», представленные, например, в итальянском, французском, немецком и нидерландском)» (Плунгян 2016: 17)³.

Считается (Сичинава 2008: 714), что две параллельные перфектные парадигмы с глаголом «быть» и «иметь», находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, восходят в романских и германских языках к разным типам результативных конструкций: субъектному и объектному / посессивному результативам (Недялков, Яхонтов 1983: 9; Маслов 1983: 48–49).⁴

³ При этом в некоторых других европейских языках существует только одна перфектная парадигма – или бытийная, или посессивная (романский юг и германский север: «приморский перфект Европы» (Сичинава 2008: 713)). Как показано в (Сичинава 2008), ареал, где обобщились две конструкции, практически совпадает с ареалом, где перфект продолжает сохранять собственно перфектное значение в отличие от центральноевропейского, где он переходит в простое прошедшее, вытесняя старый претерит.

⁴ Разделение на субъектный и объектный результатив происходит в зависимости от соотношения между субъектом состояния и агенсом действия, в результате которого это состояние наступило: «В случае субъектного результатива субъект состояния (выраженный подлежащим при сказуемом со значением состояния) соответствует субъекту

Если сравнить древнероманскую ситуацию с (относительно) современной македонской и арумьнской (посессивный перфект начинает появляться в македонских письменных памятниках с XVIII века), то можно обнаружить ряд аналогий. Некоторые македонские исследователи прямо указывают на косвенное влияние вульгарной латыни на язык носителей первых славянских поселенцев на Балканах в качестве причины появления «второго вспомогательного глагола» (Velkovska 1998: 39). В процессе превращения результативных конструкций в посессивный и бытийный перфект:

1) подлежащее спрягаемого глагола совпадает с подлежащим причастия;

2) причастие перестаёт быть самостоятельной формой и не согласуется с прямым дополнением (в македонском причастие «застывает» в форме ср. р. ед. ч., в арумьском – в форме ж. р. ед. ч.)⁵ (Squarinti, Bertinetti 2000). С этим этапом, по-видимому, совпадает утрата залоговых значений у причастий на -н/-т, вызванная как внутренними, так и внешними, обсуждавшимися выше, причинами; македонская глагольная система сближается с общебалканской: «...во всех балканских неславянских языках количество причастий уменьшается и чаще всего сводится к единому причастию, которое, в зависимости от того, с каким глаголом и в каких контекстах оно употребляется, может быть активным или пассивным» (Velkovska 1998: 39). Ю. С. Маслов писал о связи потери согласования с прямым дополнением и возможности образования пассивных по форме причастий от непереходных глаголов в процессе возникновения перфекта посессивного типа в романских языках: «согласование причастия с дополнением, а затем и само дополнение, перестает быть необходимым; позже в составе конструкции становятся возможны причастия неопределённых и образуемые *ad hoc* причастия интранзитивных глаголов» (Маслов 1983: 48);

3) утрата спрягаемым глаголом собственного лексического значения и его окончательный переход в разряд вспомо-

предшествующего действия, в случае объектного – его объекту» (Недялков, Яхонтов 1983: 9).

⁵ Впрочем, примеры с согласованным с прямым дополнением причастием встречаются до сих пор: *Се сетив дека на масата имаше оставени проспекти* ‘Я вспомнил, что он оставил на столе проспекты’ (Velkovska 1998: 40).

гательных. Примерная временная локализация этого перехода в македонском языке – конец XIX в. (Pievski 1988: 237; Velkovska 1998: 39).

Итак, македонский посессивный перфект развивается из объектно-результативных конструкций с глаголом «иметь» и теряющего залоговое значение причастия, *esse*-перфект – из субъектно-результативных конструкций с глаголом «быть» и того же причастия, которое, подобно романским причастиям в перфекте бытийного типа, сохраняет согласование по роду и числу с субъектом. Переход от результата к перфекту связан с развитием у таких конструкций акционального значения: «Затем во всех типах сочетаний развивается акциональное значение. В дальнейшем именно оно становится господствующим в регулярных перфектах “бытийного” типа, таких, как нем. *Er ist gekommen* ‘Он пришел’, фр. *Il est venu* ‘Он пришел’» (Маслов 1983: 49), ср. мак. *Toj e dojden* ‘Он пришел’.

В европейских языках после стадии перехода результативных конструкций в перфектные наступает «...установление параллелизма между перфектными конструкциями с “иметь” и “быть” и определение четких классов глаголов, образующих перфект при помощи того или иного глагола. Тем самым создается дополнительное распределение “посессивного” и “результативного” типов» (Сичинава 2008: 715). Как правило, в европейских языках бытийный перфект образует часть непереходных глаголов, большинство переходных – посессивный. Правила дистрибуции различаются в каждом языке.

Можно предположить, что ситуация, наблюдаемая в македонской глагольной системе сегодня (начиная с XVIII в.), типологически соответствует состоянию глагольной системы романских и германских языков эпохи перехода результативных конструкций в перфект. Если это действительно так, то можно отметить, что для этого явления, по-видимому, характерен довольно длительный период грамматикализации, когда ещё не произошло окончательного разделения глаголов на «спрягающиеся с *esse*» и «спрягающиеся с *habere*». В системе всё ещё возможны такие дублиеты, как употребление непереходного глагола как с посессивным, так и с бытийным вспомогательным глаголом: *имам дојдено / сум дојден*.

Литература

- Drinka, B. 2017: *Language Contact in Europe. The Periphrastic Perfect through History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gołąb, Zb. 1984: *The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SFR Yugoslavia*. Skopje: MANU.
- Пиевски, Р. Н. 1988: *Balkanološki lingvistički studii. So poseben osvrt kon istoriskiot razvoj na makedonskiot jazik*. Skopje: MANU.
- Koneski, B. 1968: *Istorija makedonskog jezika*. Beograd: Prosveta.
- Letuchij, A. B. 2013: *Tipologija labilnyh glagolov [Typology of labile verbs]*. Moscow: Jazyki slavianskoj kultury.
- Летучий, А. Б. 2013: *Типология лабильных глаголов*. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Lindstedt, J. 2000: *The perfect – aspectual, temporal and evidential*. In: *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, P. 365–383.
- Makarova, A. L. 2016: [On the forms and functions of the perfection in the Western Macedonian dialects]. *Acta linguistica Petropolitana* XII, 2. P. 217–234.
- Макарова А. Л. 2016: О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах. *Acta linguistica Petropolitana*. XII (2), 217–234.
- Maslov, Ju. S. [Rezultative, perfect and verbal aspect]. In: *Tipologia rezultativnyh konstrukcij (rezultativ, stativ, passiv, perfekt) [Typology of resultative forms (resultative, stative, passive, perfect)]*. Leningrad: Nauka, 41–54.
- Маслов Ю. С. 1983: Результатив, перфект и глагольный вид. В сб.: *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 1983, 41–54.
- MDABYA 2003: *Minor atlas of Balkan languages. Trial volume 1* ed. A. N. Sobolev. München: Biblion Verlag
- МДАБЯ 2003: *Малый диалектологический атлас балканских языков*. Пробный выпуск / под ред. А. Н. Соболева. München: Biblion Verlag
- Mišeska Tomić, O. 2000: *Balkan Sprachbund Morpho-Syntactic Features*. Dordrecht: Springer, 2006.
- Nedialkov, V. P., Jahontov, S. E. 1983: [Typology of resultative forms]. In: *Tipologia rezultativnyh konstrukcij (rezultativ, stativ, passiv, perfekt) [Typology of resultative forms (resultative, stative, passive, perfect)]*. Leningrad: Nauka, 5 – 41.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций. В сб.: *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 1983, Л., 1983, 5 – 41.
- Plungian, V. A. 2016: [Typology of the perfect tense in the languages of the world]. *Acta linguistica Petropolitana* XII (2), 7–36.
- Плунгян, В. А. 2016: К типологии перфекта в языках мира: предисловие. *Acta linguistica Petropolitana* XII (2), 7–36.
- Sichinava, D. V. 2008: [Connection between form and semantics of perfect tense: one uncharted law]. In: *Dinamicheskie modeli: slovo,*

- predloženie, tekst* [Dynamic models: word, sentence, text]. Moscow: Jazyki slavianskih kultur, 711–749.
- Сичинава, Д. В.: 2008: Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность. В сб.: *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст* / отв. ред. А. В. Бондарко [и др.]. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 711–749.
- Squarinti, M. Bertinetto, P. M. 2000: The simple and Compound Past in Romance Languages. In: *Tense and aspect in the languages of Europe* / ed. Dahl Ö. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 403–440.
- Usikova, R. P., 2003: *Grammatika makedonskogo literaturnog jazyka* [Macedonian grammar]. Moscow: Muravej.
- УСИКОВА, Р. П.: 2003: *Грамматика македонского литературного языка*. М.: Муравей.
- Velkovska, S. 1998: *Izrazuvanje na rezultativnosta vo makedonskiot standarden jazik*. Skopje: Institut za makedonskiot jazik “Krste Misirkov”.

A. L. Makarova. The *esse*-perfect in Macedonian: a possible path of its evolution

The *esse*-perfect in Macedonian is an analytical construction, formed by means of the present of the auxiliary verb *сум* ‘to be’ and the passive participle, agreeing with the subject of the sentence. The form and the functions of this perfect have remained up to now one of the unresolved topics of Macedonian studies. In particular, the origin of this construction is still an open question. This paper presents a hypothesis about a possible path of its evolution. From a typological point of view, the situation observed in the modern Macedonian verbal system (starting out from the 18th century) is similar to the state of the verbal system of the Romance and Germanic languages in a period of time when their resultative constructions were turning into the perfect. As for the absolute beginning of this process, it seems that we are dealing with a rather long-lasting period of grammaticalisation at a time, when the differentiation between the verbs “inflected with *esse*” and those “inflected with *habere*” had not yet occurred.

Keywords: Macedonian, perfect, resultative, labiality, grammaticalisation